

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Третий всадник / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Чекисты. Волки Сталина).

ISBN 978-5-04-190173-8

1933 год. Нижнепольская область бурлит. Народное недовольство растет. Кулаки лютуют. Переселенцы тысячами уходят в бега. Крестьяне с ног падают от недоедания и недосяпания. Замечены факты людоедства и грабежей складов.

А началось все с того, что по селам стали шнырять какие-то люди с мандатом от заведующего сельхозотделом обкома партии Головченко. Ссылаясь на его приказ, они подчистую отбирали у крестьян продуктовые запасы. Причем никто не знает, куда эта сельхозпродукция в итоге подевалась. Нет ее ни в районе, ни на союзных складах. Словно испарилась. Как, впрочем, и сам Головченко.

Группе чекистов из ОГПУ во главе с закаленными бойцами Большаковым, Русаковым и Лифшицем поручена крайне опасная операция. Уже установлено место, где схоронился беглый партиец. Осталось лишь ворваться в его логово и взять мерзавца живым. Но, как оказалось, вовсе не Головченко оказался самым опасным врагом. А кто-то среди своих...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зверев С.И., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190173-8

ГЛАВА 1

— Сорвете операцию, товарищ Сидоров, пойдете под суд, — бодро и доброжелательно объявил москвич Русаков.

Только вот от этой доброй бодрости нашего шофера всего перекошило.

— Да я тут при чем? — забормотал он испуганно. — Такой бензин куркули на базе залили! Он для мотора что спорынья для человека! Вот кого под суд надо! А мы все своими руками...

Похоже, испугался не на шутку и сам мотор. После очередных двух оборотов пусковой ручки он покорно завелся и теперь был готов выполнять все пожелания хозяев с преданной готовностью, как хорошо дрессированный пес.

— В автобус! — приказал Русаков группе толкущихся во дворе товарищей.

Вскоре новенький, но не слишком надежный автобус «АМО-Ф-15» на полтора десятка пасса-

жирских мест выехал напрямик в темную звездную ночь за ворота нашего купеческого особняка. Кряхтя мотором, изнуренным некачественным питанием, он устремился по улице Юных Ленинцев на юго-восток Нижнепольска.

Не прошло и десяти минут, как мы затормозили на перекрестке Ворошилова и Цветочной, где двухэтажные рабочие бараки фабрики имени Клары Цеткин врезались в одноэтажную частную застройку. Как наглядный результат выполнения плана ГОЭЛРО, в прошлом году это место было освещено уличными электрическими фонарями.

— Мотор не глушить, — велел Русаков, а потом откинулся на дерматиновую спинку сиденья и начал насвистывать под нос что-то бравурное и жизнеутверждающее, вроде «мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Минут через пять он вытащил из специального кармашка своего полувоенного темно-зеленого френча компактные серебряные часы-луковку и укоризненно покачал головой:

— Задерживаются товарищи.

Какие товарищи куда должны приехать? И куда мы двинули в свете луны? Ничего не понятно, кроме начальственных обещаний: «Скучно не будет, едем брать жирную контру». Мандража и боевого настроения у меня пока не было никакого. Они уютно дремали под толстым одеялом неведения.

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

И сам я пребывал в дремотном состоянии. В свое время прозвучит сигнал «вперед», тогда и будем действовать, волноваться. Или голову честно сложим — всякое ведь на чекистской службе случается. А пока нечего беспокоиться.

Издалека слышался нарастающий рев мотора. К перекрестку подкатывал еще один «АМО» — почти такой же, как наш, если не считать, что это был грузовик грязно-рыжего цвета. Его кузов был полон вооруженных винтовками пассажиров.

— Вперед, товарищ Сидоров, — спокойно приказал москвич шоферу.

Наш автобус послушно ринулся наперерез, внаглую перегородил проезжую часть и застыл. Вскоре скрипнули тормоза, и рыжий грузовик остановился в каком-то метре от нас.

Из кабины выпрыгнул невысокий сухощавый мужчина в обрезанной по колено, перепоясанной ремнями и мятой, как будто ее жевали, шинели. Зато сапоги вычищены так, что в них можно смотреться, как в зеркало, а папаха залихватски заломлена.

— Что ж ты, так тебя растак, оглоед безглазый, рулишь, куда не просят! — раздухарился незнакомец, и высокий полет его образной речи надежно опирался на крылья смачных, с мастерскими загибами, нецензурных выражений.

Из кузова грузовика между тем стали выпрыгивать бойцы с винтовками. Притом действовали они слаженно, а у некоторых стволы уже смотрели в нашу сторону. Ну что, молодцы, для шпаков очень даже неплохо.

— Баста, приехали! — махнул рукой москвич, выйдя из автобуса.

Я устремился следом, ненароком расстегнув свою брезентовую куртку, чтобы в случае чего быстро вытянуть заткнутый за пояс «наган».

— Товарищ Русаков, — медленно и с чувством, как будто оправдались его самые худшие опасения, произнес субъект в папахе.

— Не ждали? — сочувственно спросил москвич.

— И на каком основании... — начал было «папаха», но был бесцеремонно прерван москвичом.

— Мои основания вам хорошо известны. Вы никак за Головченко собрались?

— Откуда узнали? — хмуро посмотрел на москвича собеседник.

— По своим каналам... Досадно как-то, что вы не известили органы ОГПУ о своих грандиозных планах. Ведь вопросы могут быть. Отвечать придется.

— Да какие вопросы, Иван Афанасьевич! Каюсь, сам его взять хотел! У нас к нему особые личные счета.

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

— Какие личные счета, товарищ Лифшиц? Аполитично как-то звучит. Одно дело делаем. Так что поступаете со своим продотрядом под мое командование, — припечатал без права обжалования москвич.

Поскольку по факту возразить товарищу Лифшицу было нечего, он только развел руками, мол, хозяин — барин. А что подделаешь? Полномочий у столичной штучки Русакова хватало, чтобы построить в области кого угодно.

Я немного взбодрился. Ну, теперь кое-что проясняется. Головченко — это в недавнем прошлом заведующий сельхозотделом обкома ВКП(б), а ныне находящийся в розыске враг-вредитель. С зернозаготовками и коллективизацией наворотил он столько бед для советской власти, что барону Врангелю не снилось. Во многом это ему я обязан тем, что меня выдернули из уютного родного дома и отправили в эту длинную командировку, в состав специальной группы ОГПУ СССР.

С интересом смотрел я и на Лифшица, в этих местах фигуру легендарную. В возрасте, уже за пятьдесят, сморщенный, страшно энергичный, воинственный, а глаза так и шныряют вокруг — хитрые и все замечающие. Он обернулся к своим людям и произнес:

— Поступаем в распоряжение ОГПУ. Товарища Русакова.

Смотрели на нас продотрядовцы кисло. Не читалось на их лицах искреннего стремления помочь органам. Воспринимали они нас скорее как бесстыдных наглецов, норовивших утащить из-под носа их заслуженную добычу.

Вообще, продотряд — это какая-то странная шарашка, которая регламентировалась не законом, а обстоятельствами и желанием областного начальства. В разгар коллективизации, когда стал понятен огромный объем задач, стоящих перед государственным аппаратом по околхозиванию, раскулачиванию и сбору продналога, в помощь ему был создан внештатный отряд при административном отделе Нижнепольского облисполкома. Туда были прикомандированы самые разные люди — пара милиционеров, партийные рабочие с предприятий, комсомольцы, служащие. А поскольку руководил ими старый большевик Лифшиц, то вскоре по виду, содержанию и методам работы это стал типичный продотряд, будто бы вернувшийся из ранних революционных времен. Кстати, в нем действительно служили несколько человек из тех старых, героических продотрядов. Отряд Лифшица вскоре тут вполне прижился в качестве какого-то полулегального вооруженного формирования. И объем работы им выполнялся огромный. Продотрядовцев не стеснялись привлекать на разные мероприятия, в том числе в каче-

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

стве вооруженной силы. Боялись их кулачье и ми-
рореды как бы не больше, чем войск ОГПУ.

— Операция чекистско-боевая. На ее время вы
считаетесь мобилизованными в ОГПУ, неподчи-
нение, трусость и саботаж будут расценены по всей
строгости. Это понятно? — спросил Русаков.

— Да понятно все, — слышались вразнобой
голоса.

Все это продотрядовское воинство, разношер-
стно одетое — кто в пальто, кто в куртке и пиджаке,
кто в сапогах, а кто в модельных кожаных нэпман-
ских туфельках, — сильно напоминало Красную
армию образца 1918 года. Что роднило всех этих
бойцов — винтовки-«мосинки» на плечах.

Москвич останавливал насмешливый, холод-
ный и требовательный взгляд на каждом, отчего
люди невольно выпрямлялись и расправляли
плечи, испытывая желание вытянуться по стойке
«смирно». По какому-то наитию мой взор уперся
в долговязого парня чуть за двадцать годков, его
ватное пальто было узковато, а кепка сидела
блином.

И тут меня как током пронзило. Краем глаза
я заметил, как Русаков многозначительно пере-
глянулся с ним. Мимолетно, незаметно, как они
думали. Но я не первый год играю в эти игруш-
ки-погремушки. И просто нутром ощутил нить,
связывающую этих людей. Все понятно. Связка

осведомитель — куратор. Теперь становится ясно, кто донес нам о планах товарища Лифшица.

М-да, так засыпаться. Я был о Русакове лучшего мнения. Хотя и на старуху бывает проруха. Да и таких чувствительно-глазастеньких, как я, на самом деле вокруг совсем немного. Так что прокол не слишком значительный... Но все же прокол.

Снова заурчал мотор, и наш автобус двинулся следом за грузовиком. Русаков изложил нам диспозицию, а заодно распределил, кто как действует и кто кого страхует. С учетом моего длинного, как век Мафусаила, и славного, как подвиги Геракла, послужного списка, меня по неизменной доброй традиции поставили в штурмовую группу на острие атаки. Как всегда. Одно непонятно, как с таким счастьем я до сих пор жив. Но ведь жив и сегодня тоже погибать не собираюсь. Всех делов-то — спеленать одного контрика. Или не одного — это скоро увидим. Но под ложечкой все же тревожно засосало. Потому что пуля, она дура, и когда чекиста найдет — одному богу известно. А жить, несмотря на все невзгоды, мне еще не надоело... Ладно, главное — спокойствие. Нет ничего хуже, чем изводить себя всякими трепетными чувствами и заковыристыми мыслями перед горячим дельцем.

Мы остановились на самой окраине Нижнепольска, где в ряд шли заросшие пруды, неухожен-

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

ные лесопосадки, а у реки чернела давно брошенная лодочная станция. До революции эти места славились престижными именьями, но Гражданская война прошла по ним катком, так что теперь здесь лишь руины.

Перед нами открылось длинное, приземистое строение, некогда бывшее богатым домом, который теперь погибал, лишившись крыши и рухнувшего правого крыла. Слева от него стоял относительно целый флигелек, правда, без окон и дверей. Когда-то все это было барским поместьем, позже выкупленным богатыми купцами и разоренным в 1918 году. Управление землепользования, за которым оно числилось, хотело отдать его под коммуну и отремонтировать, но все никак руки не доходили. Здесь мы две недели назад проводили мероприятия по отлову беспризорников, насобирали их пару десятков. Теперь тут тишина, пустота.

Мы растянулись цепочкой, охватывая объект атаки. Продотряд маячил за спиной. А я, Русаков, Лифшиц и пара чекистов из нашей группы опасно приближались к флигелю.

— Там он, выродок, — прошептал Русаков, замирая и пялясь на строение. И на самом деле в окошке мелькнул отблеск огонька. — Братъ живым. Несмотря ни на что.

Живым так живым. Проявим героизм. Главное при этом — самим живыми остаться. Ну а с его

жизнью — как получится. Тут загадывать нельзя. Но задача понятна.

А потом начался штурм, если это можно так называть. А если проще — задержание особо опасного преступного элемента.

По отмашке москвича мы рванули вперед, по заранее определенной траектории, как булыжники, пущенные умелой и сильной рукой.

Я ринулся в оконный проем, где давно не было даже рамы. Раньше бы легко исполнил этот гимнастический номер. Не шибко я постарел со своих лучших времен, но вечное недоедание сказывалось и на моем молодом и, кроме того, очень увесистом атлетическом организме. Так что от напряжения в висках забила упругим напором горячая молодецкая кровь. Но все же приземлился я на каменный пол удачно и даже ловко, как могло показаться со стороны. И твердо сжимая в руке свой любимый «наган», надежный, прошедший со мной через бесчисленное количество передряг, сохранивший мне жизнь там, где сохранить ее казалось делом безнадежным.

И тут же разом я ухватил кадр бытия, картинку, расставившую все по своим местам. На полу тускло мерцала керосиновая лампа, отбрасывающая неверный свет на окружающие предметы. Справа львиную долю пространства занимала изразцовая, выщербленная и местами сколотая печь. А за ней на колено присел человек в сером пальто и что-то рассматривал.

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

Я даже крикнуть «мяу» не успел. Если бы он выхватил оружие, я десять раз успел бы продырявить ему какой-нибудь не особенно жизненно важный орган — молотил с трех метров из «нагана» без промаха, муху мог сбить на лету, хотя это я себе льщу. Но вот только он уже держал что-то стреляющее, похожее на увесистый пистолет, в руке. И ствол, как назло, уже был направлен в мою сторону, поэтому при виде свалившегося как снег на голову меня противнику и напрягаться не пришлось, просто коротенько нажать на спусковой крючок. Случайность. Стечение обстоятельств. Неужели в этом оружии и затаилась та самая моя пуля, что так долго жаждала встречи со мной на полях многочисленных битв и схваток и в итоге нашедшая в этих жалких развалинах?

В критических ситуациях сознание всегда разбивается на несколько частей. Где-то в стороне бодро нашептывает какие-то вселенские истины философ-ворчун — мол, такова мимолетность жизни, идущей всегда рядом со смертью. Другая часть сознания просчитывает варианты развития событий и перспективу действий. А между тем тело действует само, на знакомых миллион лет рефлексах — выжить и победить. Так что я в ту же секунду просто рухнул на пол. И в отчаянии билась мысль, успею ли?

Грохнул выстрел. И шальная пуля все же настигла меня...

ГЛАВА 2

Было больно. Будто наждаком грубо прошлись по спине.

Потом захохотало основательно. То ли так моя душа отлетала ввысь сквозь тучи и гром небесный, то ли кто-то стрелял над ухом.

На инстинктах я перекатился в сторону. И только так понял, что живой. И что пора самому действовать.

Приподнялся на колене, вскинул «наган», так и не выпущенный из руки. Мой палец начал было тянуть спусковой крючок, но не дождал до выстрела. Все уже разрешилось без меня, так что можно спокойно расслабиться и подумать о себе.

О себе? Ну что же, рад сообщить сам себе, что жив и двигаюсь. И даже могу, пошатываясь, подняться и оглядеться.

Спина саднила, по ней что-то текло. Да не что-то, а кровь! Моя кровь! Ничего, не в первый раз.

Дотянулся я до спины с трудом. Моя любимая, крепкая и надежная куртка разорвана. Чувствительность кожи присутствует.

— Живой, товарищ Большаков? — послышался как всегда задорный голос Русакова. Ему вообще все нипочем.

— Относительно, — кивнул я.

— Осторожнее с врагом надо. Аккуратнее.

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

А мне вернулась возможность трезво соображать и оценивать, что творится. Отделался я, судя по всему, не слишком глубокой царапиной от пули. А вот противнику повезло меньше. Он был безвозвратно мертв. Зашедшие через дверь Русаков и Лифшиц без особых терзаний, забыв свой же приказ «братъ живым», начинили его пулями, как на охоте дробью фазана. Их можно понять. Они посчитали, что бандит угрохал меня, и решили не дать возможности ему угрохать заодно и их. Так что патронов не жалели.

Рядом с безжизненным телом валялся «вальтер». Тот самый, который противник держал в руках, притом уже снятым с предохранителя. Да, не повезло врагу. Не сжимал бы он пистолет в руке, не было бы и искуса сразу жать на спусковой крючок, едва завидев незнакомца, который, может быть, вообще случайно мимо проходил через окно. Вот и остался бы жив. А сейчас валяется лицом в пол.

Русаков брезгливо, носком сапога, перевернул тело на спину. А Лифшиц витиевато выругался. Красиво выругался. Вообще, похоже, он большой мастак в нецензурной лексике и свое мастерство при каждом удобном случае с готовностью демонстрирует людям.

Хотя материться было из-за чего. Убитый ну никак не походил на находящегося в розыске партноменклатурщика Андрона Головченко.

— Это Цыпин, — пояснил Лифшиц. — В Управлении землепользования работал. Они вместе с Головченко скрылись, когда под ногами земля задымилась.

— Ну да, — кивнул Русаков. — Правая рука главного вредителя.

Я отвел глаза от тела. Это китайцы любят смотреть на проплывающий по реке труп врага. Мне это не доставляло никакого удовольствия. Тем более во флигеле и без того было на что посмотреть. Притом гораздо более интересное. Например, открывшийся взору натюрморт.

Часть стенной перегородки рядом с печью была сдвинута в сторону. Она прикрывала солидную нишу, являющуюся тайником. Притом тайником, полным всяких богатств, в которых и копался наш враг. Рядом по полу было небрежно разбросано оружие, несколько ручных термитных гранат образца 1917 года, металлическая коробка с пулеметными зарядами и куча картонных коробочек с винтовочными и пистолетными патронами. Штук пять пистолетов и револьверов различных систем. Обрез. Прямо какой-то оружейный магазин! И еще в стороне валялся чемодан — объемный, фибровый, с золотистыми застежками. Дорогой чемодан. Грубо продавленный в самом центре. И совершенно пустой.

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

Один из продотрядовцев, которые набились в комнату, слетевшись на выстрелы, как мошкара на свет лампочки, с уважением присвистнул:

— Хороший улов. Это ж сколько оружия и патронов. Вот бы нам отдали!

— Сколько? — вдруг с прорвавшимся неожиданно раздражением, несвойственным его ровной натуре, воскликнул Русаков. — Курам на смех... А вот чемоданчик пустой.

Потом, будто вспомнив о чем-то второстепенном, но все же необходимом, он махнул рукой в мою сторону:

— Окажите товарищу Большакову медицинскую помощь.

Один из продотрядовцев, оказавшийся фельдшером, помог мне стянуть куртку и рубаху, внимательно осмотрел рану. При нем был комплект первой помощи, потому он сразу сделал перевязку и подытожил:

— Повезло вам. Чуть ниже пуля — и позвоночнику бы хана. И тогда...

Меня аж передернуло. Что такое перебитый позвоночник, я знал прекрасно. Насмотрелся в свое время. Лучше уж тогда сразу наповал — и честнее, и приятнее.

В общем, оснований для моей госпитализации не наблюдалось. Так что загрузился я в автобус со всеми наравне, и мы отправились в наше логово.

Правда, для порядка Русаков оставил пару сотрудников и нескольких продотрядовцев разгрести ситуацию с местными органами и давать показания.

В штабе, а заодно и в расположении нашей специальной группы Русаков отправил ребят спать, а мне кивнул:

— А тебя на чаек с сахарком, товарищ Большаков.

— Как раненному на фронте, сладкое положено? — хмыкнул я.

— Положено.

Мне страшно захотелось чая с сахаром. То, чего сейчас так не хватало.

Русаков в своем заставленном старой скрипучей мебелью кабинете, заодно служившем ему и спальней, и столовой, и вообще логовом, поколдовал над спиртовкой. Из носика медного чайника пошел пар. Фарфоровый заварник принял в свое чрево кипяток, и вскоре напиток был готов.

Хороший у Русакова чай. Ароматный. Настоящий. Привез его с собой из столицы и расходовал крайне рачительно, потому что здесь близко такого не найти, даже в обкомовском распределителе.

— Угощайся, раненый, — с легкой улыбкой произнес москвич.

Я уронил в изящную фарфоровую чашку кусковой желтый сахар и тщательно, методично разме-